

УДК 94(47)“1916”

UDC

DOI: 10.17223/23451734/5/3

РУССКОГО НАРОДНОГО СОВЕТА ПРИКАРПАТСКОЙ РУСИ ЗАПИСКА по вопросу об управлении областями русского Прикарпатья

Резюме

Записка «По вопросу об управлении областями русского Прикарпатья» была составлена 17 сентября 1916 г. после занятия региона русскими войсками в результате Брусиловского прорыва и предоставлена генералу А.А. Брусилову.

Записку подписали председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси В. Дудыкевич и член совета Г. Малец.

В записке лидеры карпаторусского движения, упоминая об ошибках, допущенных при присоединении края к России в начале войны, высказывают свои предложения по интеграции Галичины в состав Российской империи.

Говорилось об антироссийской польской политике в регионе, которую поддерживали австрийские и германские правящие круги, о засилье польского элемента в администрации края. Одним из вопросов, требующих тщательного изучения и осторожного отношения, был униатский. Униатство было тесно связано с украинством. Предлагалось изменить состав униатской иерархии, дать гарантию полной религиозной свободы и перехода из униатства в католичество.

Рекомендовалось в пределах этнографической границы Прикарпатской Руси признать официальным русский язык, ввести на нем обучение в государственных учебных заведениях всех уровней. От местных малорусских (украинских) школ как нарушавших «национальное единство» и «связь малороссов с остальным русским миром», «подрывающих господство общерусской культуры» рекомендовалось отказаться. Польскому национальному меньшинству предполагалось дать возможность обучаться в частных учебных заведениях на родном языке.

Авторы записки считали необходимым отменить все конфискации и ограничения, введенные австро-венгерскими властями против местного населения за его русские убеждения, запретить бесплатные и самовольные реквизиции.

Необходимо было также, по мнению авторов, возобновить в Галичине деятельность Русского народного совета и других русских организаций, местной русской печати, возвратить пребывавших в России беженцев, поощрять развитие местной русской торговли и промышленности.

Документ хранится в Архиве внешней политики Российской империи.

Ключевые слова: Галиция, Австро-Венгрия, Россия, русины, русские, русское движение, украинофильство, поляки, уния, униатство, православие, Первая мировая война, Русский народный совет Прикарпатской Руси.

**RUSSKOGO NARODNOGO SOVETA
PRIKARPATSKOY RUSI ZAPISKA
Po voprosu ob upravlenii oblastyami
russkogo Prikarpat'ya
[A REPORT BY THE RUSSIAN PEOPLE'S
COUNCIL OF SUBCARPATHIAN RUS
on the administration of regions
of Russian Subcarpathia]**

Abstract

The report was written on 17 September 1916, when Russian troops occupied the region after the Brusilov Offensive, and sent to General A.A. Brusilov.

The report was signed by V. Dudykevych, the Chairman of the Russian People's Council of Subcarpathian Rus, and G. Malets, a Council member.

In the report, the leaders of the Carpatho-Russian movement mentioned the mistakes made when annexing the region to Russia early in the war, and made their proposals for the integration of Galicia into the Russian Empire.

They wrote about the anti-Russian policy of the Poles in the region, which the Austrian and German ruling circles supported, and about the dominance of the Polish element in the administration of the region. They noted that the Uniate issue required a thorough examination and a cautious attitude. Uniatism was closely connected with Ukrainism. It was proposed to change the composition of the Uniate hierarchy, to guarantee full religious freedom and conversion from Uniatism to Catholicism.

The authors of the report recommended to recognize Russian as the official language and to make it the language of instruction in public educational institutions of all levels within the ethnographic boundaries of Subcarpathian Rus. They also recommended to abandon local Little Russian (Ukrainian) schools as institutions violating the "national unity" and the "connection of the Little Russians with the rest of the Russian world" and "undermining the dominance of Russian culture". The Polish national minority was supposed to have the opportunity to study in private schools in their mother tongue.

The authors of the report found it necessary to cancel forfeitures and restrictions the Austro-Hungarian authorities imposed on the local population for their Russian beliefs, to prohibit free and unauthorized requisitions.

According to the authors, it was also necessary to resume activities of the Russian People's Council and other Russian organizations, local Russian press, to return refugees

living in Russia, to encourage the development of local Russian trade and industry in Galicia.

The document is stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

Keywords: Galicia, Austria-Hungary, Russia, Rusins, Russians, Russian movement, Ukrainophilism, Poles, Union, Uniatism, Orthodoxy, World War I, Russian People's Council of Subcarpathian Rus.

Русский народный совет, верховная, всенародная организация Прикарпатской Руси, считает патриотическим долгом высказать свои мысли и соображения по вопросу об управлении областями Прикарпатья, и прежде всего Галичины, в предположении, что они будут признаны лежащими на продолжении выработанного официального «Положения об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны» и совпадающими с русскими государственными и национальными интересами.

Для того чтобы обратиться к рассмотрению тех оснований, на которых должно быть построено будущее управление коренными русскими землями Прикарпатья, необходимо уяснить значение немногих неоспоримых фактов.

Русской политической мысли последнего полувека дела Ближнего и Дальнего Востока были значительно ближе, чем политические отношения и национальные вопросы ближайших западных стран. Это объясняется целым рядом исторически сложившихся условий, из числа которых немалое значение имеет факт, что последние земельные завоевания России на западе относятся еще к XVIII столетию, т. е. к повсеместному господству феодализма - с одной и до зарождения национализма - с другой стороны.

Отсутствие национального чутья вызвало основную и роковую ошибку в области русской внешней политики: была взята иноверная и иноплеменная, враждебная России Варшава и отдана Австрии, справедливо называемой тюрьмой народов, единокровная православная Червонная Русь, древнерусские княжеские стольные города - Галич, Львов, Перемышль.

Не особенно удачная была и внутренняя политика в присоединенных северо-западных и юго-западных карпаторусских областях. Отчасти незнание местных отношений, отчасти и направление общей политики сказались в сохранении старых и предоставлении новых привилегий одному сословию, польскому дворянству, которое в глазах правительства олицетворяло собой интересы всего местного населения и признавалось надёжной опорой для государственного порядка. Более тяжёлые, чем в Центральной России, условия общественного быта осложнялись ещё национальными различиями: польское дворянство, пользовавшееся всею полнотою гражданских

и политических прав, оказалось этнически чужим и враждебным остальной массе населения, крайне стеснённой в экономической и бесправной в культурно-национальной жизни. В Северо-Западном крае колонизация белоруссов за 100 лет русского владычества сделала несравненно большие успехи, чем за все века подчинения этого края Речи Посполитой. То же самое нужно сказать о малорусском населении Юго-Западного края. Мало того, в этих искони русских областях невидимой рукой всё усиленнее стал прививаться национальный сепаратизм: на северо-западе – «беларуский», на юго-западе – «украинський».

Строго научными исследованиями установлен факт, что идея «Киевского королевства», независимого от «Московского царства», возникла в польских политических организациях. И действительно, польское землевладение и чиновничество всегда оказывали и продолжают оказывать нравственную и материальную поддержку вышеназванным русским сепаратизмам, усматривая в них верное средство вызвать в огромной, но необработанной глыбе русского народа трещину, которая должна облегчить уже мечу врага окончательное раздробление русского народа, т. е. отторжение от России Малороссии и Белороссии и присоединение этих областей к будущей независимой Польше, имеющей быть восстановленной в прежних «исторических» границах «от моря до моря».

Политическое завещание польского генерала-повстанца Мирославского: «Бросим огни и факела за Днепр и Дон, вызовем раздор и распрю в самом русском народе, чтобы он разрывал себя своими же когтями, а мы будем крепнуть и расти», - продолжает служить руководством для всего польского общества. Очень недавно «Речь Посполита», влиятельный орган национальных демократов, или так наз. «всеполяков», за которыми установилось мнение, что они более всех других поляков усвоили себе русскую ориентацию, писала в статье «Земства на Литве и в Малой Руси»: «Усилия просвещённого русинского общества и польская ему помощь могут привести в Болгарии, Подолии и Украине к пробуждению национального самосознания, и тогда прилагаемые со всех сторон старания укрепят русинский народ за кордоном (т. е. в России) и подорвут силы российских завоевателей. А что же говорить о полной удаче украинского движения, которое означает не что иное, как окончательный провал российского государства. Россия должна получить от нашего народа ответ, достойный поляков».

Эта идея была предметом вполне открытой пропаганды и в то же время главным содержанием реальной польской политики в Галичине и за последние годы тем успешнее распространялась и тем глубже внедрялась, что ей стали покровительствовать венский

и берлинский кабинеты, видя в «Киевском великом княжестве» ближайший этап на путях немецкого продвижения на восток. Благодаря соглашению галицко-польских магнатов с династиею Габсбургов, по которому будущее польское государство должно получить короля из габсбургских принцев, поляки получили всю Галичину в полное, безраздельное господство и свели к нулю вытекающие из основных законов формальные гарантии национального равноправия. Суд, школа, финансовые, а равно все автономные и общественные учреждения должны были служить польской национальной идее, причем поляки сами не скрывали, что эта их «органическая работа» должна вознаградить потери, причиняемые им в прусской Польше. С целью скорейшего ополячения Восточной Галичины были основаны крупные банки: «Земля Польская», «Банк парцеляционный» «Банк для крестьян» - со специальным назначением скупать земли в Восточной Галичине и перепродавать их колонистам-полякам из западной части края и даже из Америки. Для колонизации Восточной Галичины польскими крестьянами и мелкими помещиками галицким сеймом был принят особый закон о «рентных хозяйствах». Пользуясь покровительством властей, польские колонизаторы вели себя на Руси, как завоеватели в покорённой стране, ничуть не уступая прусским гакаристам в Познани. В народных школах, хотя и носивших название малорусских, громадное большинство учителей были поляки, учившие только по-польски и требовавшие даже чтения молитвы по-польски, причём непокорных наказывали и часто даже истязали. В каждой маленькой польской колонии в русской части Галичины немедленно строились костёл и польская школа, самой местности давалось польское название. На 50 польских правительственных гимназий для русского населения имелось всего 5 гимназий с малорусским языком преподавания. Но и малорусские гимназии превращались в очаги украинской сепаратистической пропаганды. К занятию должностей по финансовому и в особенности административному ведомству, а равно в земские управы русские галичане абсолютно не допускались. Местные русские чиновники и учителя планомерно переводились в Западную, польскую Галичину, а на их место, в Восточную, русскую Галичину назначались поляки. Во всей Галичине в последнее время на 81 уезде не бы ни одного русского начальника уезда, и всего только один председатель уездного земского совета. Но и в других ведомствах все высшие должности были для русских закрыты. При равном числе русского и польского населения всей Галичины в русской её части с 4/5 русского и 1/5 инородческого населения в судебном ведомстве на 10 поляков чиновников V класса приходится 1 русский галичанин, на 45 поляков чиновников VI класса – 6 русской национальности, на 240 поляков-

чиновников VII класса – 101 чин. русской национальности. Разрешения на ведение торговли, промысла и всяких других предприятий выдавались почти исключительно только полякам и евреям. Даже административное деление края на уезды, избирательные округа и т. д. было очень часто только механическим соединением весьма разнородных местностей для чисто политических целей – содействия возобладанию польского элемента над русским.

Неудивительно, что благодаря этим, мягко выражаясь, ненормальным, искусственно, часто с помощью насилия создаваемым условиям, Восточная Галичина с её сплошным русским населением сделалась областью господства поляков.

В момент объявления войны галицкая администрация и полиция, состоящая исключительно из одних поляков, действуя в интересах польской политики, а равно желая доказать свой горячий австрийский патриотизм, произвели массовые аресты среди ни в чем неповинного русского населения, обвинив его поголовно в тяготеении к России, предав тысячи людей казни, часто без суда и следствия, и угнав около 50 000 чел. лучших русских галичан всех сословий в тыл, т. е. в немецкие провинции, в тюрьмы и концентрационные лагеря. Во время конвоя эти мученики за свои русские убеждения и в то же время живые «свидетели» польских симпатий к России подвергались жестоким, часто смертельным побоям и истязаниям со стороны не только евреев, но и поляков – как простых людей, так и интеллигентов. И предел этого их поистине крестного пути совпал с границей Галичины, за которой чехи встречали их цветами и окриками: «На здар братья галицке-руссове». О русофильской ориентации галицких политиков красноречиво говорит факт, что, кроме известного 30-тысячного легиона Пилсудского, вторгшегося в самом начале войны из Галичины в Привислинский край, в настоящее время, после двух войн, на галицком фронте сражаются против русских три бригады польских добровольцев-легионистов в составе 3 полков каждая, т. е. около 36 000 чел. Другими словами, кроме зачисленных в регулярные австрийские войска галицких поляков, на каждых 60 чел. польского населения приходится один доброволец-легионист. Таковы, если не закрывать намеренно глаза на факты, действия поляков в Галичине.

Массовые аресты и казни русских галичан, а равно и массовое же бегство их в родную Россию уже во время войны галицкими поляками было опять-таки использовано для самой широкой колонизации Восточной Галичины польским элементом: все освободившиеся места замещены поляками, многие русские земли отданы польским колонистам, в русских селах построены костелы. Кроме того, местное русское наречие исключено из официальных сношений, ма-

лорусские школы тоже повсеместно заменены польскими. Таким образом, уже во время войны явочным порядком еще более усилено фактическое польское владение в этом крае. Тщательно умалчивая, по легко понятным соображениям, о причинах и виновниках малочисленности галицко-русского интеллигентного элемента на местах, поляки возвели глубоко аномальное и во всяком случае только временное свое полное и исключительное владение в крае в априорный тезис «в Галичине нет русских», выставляя свой захват влияния и власти как аргумент в пользу сохранения за ними господствующего положения в Восточной Галичине и по присоединению ее к России. Эти их стремления поддерживаются то косвенно, то открыто и прямо почти всей печатью России, которая отчасти в силу своеобразно понятых идей освободительной войны и лозунгов либерализма, отчасти по незнанию галицкой исторической и современной действительности требует от русской власти отказаться от каких бы то ни было изменений сложившихся в этой стране отношений и общего «векового» уклада жизни, требует сохранения всех прежних школ, без остановки учебных занятий, без ломки прежних преподаваний, без допущения новых русских школ, наконец, требует привлечения к участию в администрации местных общественных сил, но не иначе как от всех национальностей и партий.

В результате Прикарпатская Русь стоит перед грозным историческим вопросом, от ответа на который зависит, быть может, навсегда ее национальная судьба, а также судьба соседних русских областей. Вот почему вопрос о сущности и смысле настоящей войны как войны не только интересов, но и идей и принципов, имеет для русского Прикарпатья не одно лишь значение нравственного оправдания войны, но также то насущное практическое значение, какое в опасный момент исторической ответственности имеет вообще правильная оценка положения.

Уже на основании изложенного нельзя не признать национальных и социальных отношений в Восточной Галичине до уродливости ненормальными по поводу почти полного порабощения подавляющего русского большинства польским ничтожным меньшинством. Усвоить взгляд на эту действительность как на явление естественное и нормальное, желать, хотя бы на первых порах, мириться с ней, склоняться в пользу хотя бы временного сохранения ее, притом со ссылкой на национальное беспристрастие и национальную ответственность – все это равнялось бы подчинению своего чувства правды и национального достоинства чужой агрессивно-политической идеологии. Это была бы новая, вызванная политической близорукостью, коренная, исходная и в то же время, может быть, безвыходная ошибка в вопросе о господстве на русской земле русской государ-

ственной идеи. Ибо утвердить положение, при котором есть угнетаемые, - не значит ли отождествлять себя с угнетателями? Сохранить настоящее положение в Восточной Галичине было бы созданием опасного прецедента для дальнейшей, на этот раз уже полной колонизации русского края. В то же время это было бы узаконением и утверждением попыток на так наз. «украинское» национальное обособление и добровольным подготовлением политического украинского ирредентизма. Это значило бы в корень извратить глубокий смысл великих слов: «Да не будет больше подъяремной Руси», ведя дело к окончательной ее гибели.

Русскому народному совету Прикарпатской Руси освобождение Галицкой и всей подъяремной Руси мыслится не иначе как при непрременном условии действительного снятия с нее пут экономического и социального и, прежде всего, национального гнёта, другими словами, как освобождение карпаторусского народа от целой системы неблагоприятных условий и искусственно созданных преград для его свободного национально-культурного развития, как сохранение и усиление самой возможности и впредь развивать всю полноту тех средств культурной работы, с помощью которых он до сих пор отстаивал свою русскую национальность, свое духовное обличие.

Этими фактами и суждениями и определяются взгляды Русского народного совета на главные основания и руководящие начала в вопросе об управлении землями Прикарпатской Руси. Восточная Галичина, Северная Буковина и Северная Венгрия, вошедшие в состав Австро-Венгрии не как части Польши, а как наследие венгерских королей и составляющие в физическо-географическом отношении одно целое с материком Европейской России, - суть в то же время древняя, изначальная Русь. Чужой власти, чужому, нерусскому управлению, тяжелому засилью пришлого элемента в ней места быть не может. Самая идея освобождения требует полного исключения от управления вчерашних поработителей. На русской земле власть и все управление должны находиться в русских и только в русских руках.

Ввиду национального единства в Прикарпатской Руси освободителей и освобождаемых, допущение на службу местных русских людей теряет значение принципиального вопроса и явится только вопросом управления - с одной и личных качеств кандидатов - с другой стороны. В силу такого диктуемого строго идейными национальными соображениями взгляда на этот вопрос Русский народный совет Прикарпатской Руси, заявляя о своей готовности по первому требованию представить из числа уроженцев Прикарпатской Руси кандидатов на разные служебные места, не возбуждает осо-

бого ходатайства о допущении их на русскую службу, признавая, однако, весьма желательным, чтобы русская власть во имя общего дела не отказывалась осведомляться о положении и нуждах страны у представителей местной русской общественности, пользуясь их опытом и знанием.

Вопросом, требующим самого тщательного изучения и самого осторожного отношения, является вероисповедный вопрос в Галичине и, в частности, вероисповедная особенность части русского населения – униатство. Бесспорным является факт, что уния представляет собою продукт польского влияния как средство польской политики отколоть малорусское племя или хотя часть его сперва в религиозном, а потом постепенно в языковом, национальном и, наконец, в политическом отношении от остального национального массива. В Буковине, входившей ранее в состав Османской империи и не бывшей под Польшей, русское население осталось и по сие время православным. Но и в Галичине, подобно как и в Северо-Западном, и в Юго-Западном краях, подпавших под польское владычество, возникновение унии произошло не снизу, не вследствие неудовлетворенности народных масс православной верой или каких-либо новых религиозных исканий. Уния была просто «объявлена» сверху, после того как польскому государству вслед за окатоличением и ополячиванием галицко-русской высшей аристократии и дворянства удалось своими ставленниками, приобретенными для польской политики, заместить ряды высшей галицко-русской православной иерархии. Униатство – сплошная политика и утилитарное приспособление. Когда полонизаторский поход на Галицкую Русь перешел во вторую стадию, в стремление путем насаждения украинофильства отторгнуть всю русскую область от главного корня в отношении языковом и национальном, самым верным средством для достижения желательных результатов было, естественно, тесное сплетение украинской проблемы с униатством: за последние три десятилетия мы видим в составе высшей униатской церковной иерархии одних известных украинских и даже польских политических деятелей. Духовные лица русских убеждений не допускались совсем, в духовные семинарии принимались исключительно молодые люди, известные как отъявленные украинцы.

При таком положении дел русские государственные и национальные интересы настойчиво требуют разделения украинства от униатства. Нужно сознательно стремиться к тому, чтобы украинство не могло отождествляться и сливаться с униатством, чтобы оба эти явления не укрепляли друг друга в тесном союзе, а, напротив, потеряли бы связь между собою, кроме того, также возможность и способность воздействия на народные массы и в глазах народа, со

стихийной силой почувствовавшего свое родство с русской армией и русским народом как целым и единым организмом, явились бы во всей наготе своего существа: уродливым пережитком австро-польских отношений. С этой целью, изолировав эти оба явления друг от друга, нужно в дальнейшем не ограждать себя от них и не давать им ограждать себя, а вникнуть, войти в них, овладеть ими и дать каждому из них желательное направление. Изменяя состав галицкой униатской иерархии, даже не сразу, а постепенно, назначениями на место австрийских ставленников – польских графов и украинских агитаторов, лиц твердых русских убеждений из русских галичан-униатов, глубоко преданных России и никогда не порывавших духовных связей с нею и с православием, можно будет с полной уверенностью ожидать, что после перехода в православие еще при австрийском режиме около десятка сел и такого же добровольного, в силу стихийного влечения, воссоединения десятков тысяч русских галичан, как во время первой оккупации, так и во время пребывания беженцами в России, скоро от унии в Галичине не останется и следа.

Вера в окончательную русскую победу в настоящее время в населении Восточной Галичины сильнее, чем когда-либо. Уже это одно обстоятельство велит со всей положительностью ожидать, что массовый переход в православие, по сравнению с первой оккупацией, не ослабнет. Но есть для этого еще другая причина, созданная австро-польской политикой в крае. Последовавшая зимой 1915 г. отмена юлианского календаря в униатской церкви и замена его латинским вызвала крайнее негодование и даже серьезные волнения в народных массах, демонстративно уклоняющихся от посещения храмов в католические праздничные дни, каковыми заменены прежние русские праздники, и только ожидающих возвращения русских войск для того, чтобы воссоединением с православной церковью раз навсегда порвать всякую связь с воинствующим католицизмом. Продиктованное принципом свободы совести отношение к этому движению масс вызывает вопрос о такой постановке в крае сразу же православного исповедания, при которой оно ни в смысле внешнего блеска, ни в отношении умственных и нравственных качеств, ни в отношении правового и материального положения духовенства не уступало бы ни римско-католическому, ни униатскому. Кроме сказанного, из ближайших мероприятий власти в вероисповедном вопросе нужно указать на необходимость сохранить в силе, наряду с гарантией полной религиозной свободы, т. наз. «конкордии», т. е. церковного и государственного закона перехода из униатского вероисповедания в римско-католическое.

Языком официальных сношений в пределах Прикарпатской Руси в ее этнографических границах должен быть признан только русский язык, правительственные школы, начиная с народных и кончая высшими, должны быть только русские. Ясное определение в самом начале, в правительственной декларации, этого единственно верного и справедливого принципа, твердая его постановка и неуклонное проведение на практике окажет весьма благотворное влияние на русско-польский вопрос, ибо поможет полякам, желающим быть свободными, но не умеющим быть справедливыми, отказаться от не принадлежащих им прав на русские земли и от верховенства над русским народом. Национальная свобода и возможная полнота прав в этнографических границах – вот принцип, который политически зрелое галицко-русское общество всегда, даже в самые трудные моменты борьбы с поляками за самое национально-культурное существование свое, выставляло и защищало в венском парламенте и в галицком сейме, на всех славянских и других политических съездах, а также в печати как самый верный способ столкнуться с поляками и закончить старые счета. Принципы национальной свободы и равноправия служили всегда не только основой реальной политики, проводившейся Русским народным советом Прикарпатской Руси, но и одной из главных традиций политического воспитания народных масс, которые, невзирая на природное острое чувство национальной обиды, сохраняли не только полное спокойствие, но и справедливое отношение к польскому народу. Эти принципы питали и укрепляли надежду на то, что польско-русский спор в удобный момент будет разрешен полным национальным и политическим размежеванием обоих народов на всем протяжении их соприкосновения. Что могли бы и должны получить поляки на правах национального меньшинства в русской Галичине (в смысле частных учебных заведений, права поступления на службу, участия в выборах и т. д.), следует поставить в зависимость от гарантий, имеющих быть предоставленными законом русскому меньшинству в будущей Польше в ее этнографических границах.

Что касается местных малорусских, вернее, т. н. украинских школ, то защищающие полезность и даже необходимость сохранения хотя бы в начальных школах малорусского наречия проявляют в лучшем случае изумительную недодуманность, забывая, что логическая необходимость ведет от низшей школы к высшей. Именно школа прежде всего и дает ответ на вопрос о национальной принадлежности. Украинская школа в Галичине и Буковине и была тем верным средством, с помощью которого немцы и поляки решили посягнуть на наше национальное единство, разрушить связь малороссов с остальным русским миром. Сохранить эту школу нельзя не

только по чисто техническим соображениям. Чуть не каждая страница этих учебников «украинской мовы» и «истории Украины» - это кощунственная фальсификация истории и языка и проповедь ненависти к России, к русскому народу и к православию. Сохранить эту школу означало бы усвоить и продолжать австро-германскую политику и, вместо того чтобы укрепить в границах одной государственности живую, действительно существующую и, к счастью, немцами, поляками и украинцами еще не разрушенную связь двух русских племен, добровольно разрывать и окончательно уничтожить ее. Это значило бы подорвать господство общерусской культуры, единой национальной культуры единого русского народа. Пусть в начальных школах учитель объясняет детям непонятные русские литературные слова и вообще все, что требует объяснения, на местном наречии, пусть оно будет допущено для простолюдина в суде и других ведомствах, но принцип не должен быть нарушен: русский народ один, и единый русский язык, создавшийся из слияния всех русских наречий и племен, должен господствовать на всей территории распространения русского народа.

Создать сразу же русскую школу, которой потребуют, как это и было во время первой оккупации, сами крестьяне всех национально сознательных сел, практически не представит никаких затруднений. Для учителей и учительниц, подобно как и для народных масс русской Галичины, всегда было ясно, что никакой школы, кроме русской школы, в Галичине под русской властью быть не может. По их просьбе и были учреждены дополнительные педагогические курсы в городах Галичины, а равно в Киеве и Петрограде. Несколько сот чел. учителей и учительниц, окончивших эти курсы, могут немедленно занять места. Для подготовки дальнейших кандидатов такие же курсы будут вполне достаточны. Равным образом, кроме существующей уже в Ростове-на-Дону мужской гимназии для уроженцев Прикарпатской Руси, которая в первую очередь должна бы быть переведена в Галичину, следует на место прежних польских, и украинских, и немецких средних учебных заведений открывать во Львове и других городах Галичины и Буковины русские учебные заведения, приглашая в преподаватели лучших русских педагогов из России, а также из русских галичан - преподавателей гимназий, уже во время войны бежавших в Россию и служивших в разных учебных заведениях империи.

Часть состава профессоров высших учебных заведений в крае может быть весьма легко может быть заменена русскими профессорами Варшавского университета и других учебных заведений Царства Польского и вообще России. На некоторые кафедры во Львовском университете могут быть приглашены из пребывающих

в России молодые галицко-русские ученые. Несколько человек русских галичан, которым университетская кафедра при австрийском режиме была закрыта единственно вследствие их русских убеждений, могли бы уже теперь занять кафедры.

Столько о школьном деле.

Галицкие и буковинские судьи и чиновники всех других ведомств по австрийским законам обязаны были знать малорусское наречие для сношения на нем с малорусским населением. Они его на деле и знают, хотя чиновники и судьи-поляки систематически не допускали отношений на нем с чисто политическим расчетом: добиться скорейшей, хотя бы в смысле внешнего вида, колонизации края. Но и литературный русский язык не был чужд этим ведомствам, так как изгнать его окончательно все-таки не удалось, и до последнего времени его права отстаивали местные русские люди, особенно адвокаты, подавая на нем деловые бумаги и настаивая на составлении на нем резолюций, протоколов и т. д. Следует только дать местным чиновникам возможность изучения русской литературной речи, устроить для них повсеместно курсы русского литературного языка, и в скором времени русский язык будет повсеместно водворен, и таким образом будет создана в языковом отношении необходимая согласованность оккупационных властей с местными.

Для наблюдения за действительностью органов судебной власти, финансового и хозяйственного управлений необходимо назначить из доверенных лиц русской национальности особых инспекторов, создать из числа членов Львовской судебной палаты особый сенат как верховную инстанцию, на место венского Верховного и Кассационного суда, что особенно необходимо для уголовных дел арестованных, назначить главного и старшего прокуроров из русских, наконец, принять особые меры к охранению поземельных книг и судебных архивов.

Назначение и смещение городских голов желательно предоставить власти военного генерал-губернатора, причем о личности кандидатов необходимо собирать предварительно самые точные сведения - во избежание повторения случаев назначения городскими головами лиц, заведомо враждебно настроенных к России. Многие городские думы и земские управы принимали самое видное участие в организации легионов против России, ввиду чего делу изменения личного их состава нужно придать должное значение. В прошлую оккупацию во главе городничих управ оказались не только отъявленные враги России, но даже люди с преступным прошлым, стоявшие на службе австрийской разведки. Они-то после отступления русских войск предавали австрийским властям на виселицы и расстрелы лиц, благожелательно относившихся во время оккупации к

русским войскам и властям. Особое внимание необходимо обратить на личный состав чинов администрации. Нельзя не признать, что Галичина, равно как и все другие провинции Австро-Венгрии, обладала весьма стройной системой внутреннего управления. В частности, уездное управление состояло, кроме канцелярских чиновников, из большого числа лиц с высшим образованием, специалистов своей службы, благодаря чему авторитет их был бесспорен. Безусловно верно, что причинами, мешавшими склонить во время русской оккупации на сторону России симпатии поляков Восточной Галичины, было, невзирая на их пристрастие к политике, не закрытие правительственных польских школ, не общее господство русского языка и близкое полное обрусение страны. С этими явлениями, равно как с неминуемой потерей для своего влияния всей Восточной Галичины, подавляющее большинство их явно примирилось: одни, надеясь быть оставленными в стране, принялись за самое прилежное изучение русской речи, часть же решила немедленно по окончании войны переселиться в Польшу, часть с таким же расчетом ждала только для ликвидации своего землевладения скорого открытия русских банков. Причина, вызвавшая у них скорбь разлуки с Австрией, лежала прежде всего в общем характере и отдельных действиях высшей администрации. Восстановить доверие населения к административным властям можно только путем назначения на административные посты вполне подходящих лиц, людей с высшим образованием, по возможности лучших представителей русской администрации, а также посредством объявления во всеобщее сведение особого акта высшей власти о порядке управления. Это последнее в видах успокоения населения следует считать крайне желательным. Таковой акт, кроме обещания населению всемерной защиты – его жизни, чести, имущества и свободы совести, а также соблюдения во всем строгой законности, должен бы содержать перечень вводимых административных учреждений, ясное и точное определение круга действия каждого из них по гражданскому управлению с указанием, относительно каких актов допускается обжалование и в каком порядке инстанций, наконец, признание за населением права хозяйства и жалоб.

Особой инструкцией должностным лицам должен быть указан единственно верный и обязательный для них взгляд на вверенную их управлению территорию как освобождаемую, искони русскую землю, русское население которой должно явиться основой русской государственности, ввиду чего его нужно охранять, поддерживая его духовное и материальное преуспеяние. Им должно быть предписано соблюдение единства терминологии: русский – с исключением варваризмов и искусственных названий (украинский, русинский и

т. п.), употребление русских названий местностей (Злочев – не Злочув, Жолква – не Жолкиев, не Грудек, Пшемысль, Любень Великий, Тлумач, Нижнюв, Монастержиско, Бржежан, Задворже и т.п., а Перемысль, Городок, Великий Любень, Толмач, Нижнев, Манастыриска, Бережаны, Задворье), согласно трудам географической комиссии Русского народного совета Прикарпатской Руси, изданным в извлечении топографическим отделом при штабе военного генерал-губернатора Галичины. Им должно быть указано на безусловное соблюдение в этих вопросах, равно как в делах управления, полного единства действий и на недопустимость в них политики.

При производстве обысков, арестов и высылки чинами полиции и жандармского управления крайне необходимо соблюдать большую, чем раньше, осторожность и критическое отношение к доносам.

Значительная часть населения Галичины, Буковины и Венгрии, бежавшего по причине отступления русских войск в Россию, подверглась со стороны австро-венгерского правительства разного рода репрессиям: священники лишены приходов, судьи, учителя и чиновники – мест и прав службы, торговцы и промышленники лишены промысловых свидетельств, адвокаты и врачи исключены из списков, имущество их конфисковано или на него наложен секвестр. Громадное большинство таких лиц составляют русские галичане, буковинцы и угророссы, в числе их также бывшие на русской службе во время оккупации.

С чувством глубокого удовлетворения будет встречен вполне справедливый по существу, общий или же специальный для каждого звания акт русской власти, отменяющий конфискации и секвестры, восстанавливающий потерпевших за свои русские убеждения лиц в правах их службы и разрешающий вернуться к своим обычным занятиям.

Задачу комитета при военном генерал-губернаторе Галичины по оказанию помощи населению, пострадавшему от войны, а равно задачу разных благотворительных комитетов значительно облегчило бы распоряжение о реквизиции с запрещением самовольной реквизиции вообще и бесплатной, если не вообще, то, по крайней мере, у неимущих классов, в первом ряду у крестьян. Кроме объявления во всеобщее сведение распоряжений о производстве реквизиций и точного указания компетентных в этих делах властей, было бы в высшей степени желательно учредить, с привлечением представителей местного населения, комиссии для установления и расценки вообще всех убытков, причиненных войной. Такие комиссии существуют и действуют в Германии и Австрии и в занятых ими областях. Учреждение их в Галичине и Буковине облегчит и укрепит доверие

к ней местного населения и убеждение последнего о прочности оккупации.

Для лежащего в интересах русской власти и вообще государственного усиления русского элемента в Прикарпатской Руси весьма желательно:

I. Скорейшее возобновление в пределах Прикарпатской Руси, в месте пребывания военного генерал-губернатора, деятельности Русского народного совета Прикарпатской Руси, облегчение ее и оказание ей содействия.

II. Возможно скорое возобновление в стране русской печати, в первом ряду местной, а именно ежедневной газеты «Прикарпатская Русь» и еженедельника для народа «Голос народа». Эти печатные органы, игравшие в довоенное время весьма видную роль в развитии русского дела в Галичине, явятся в новых условиях продолжателями своего культурного труда, скрепляя национально-культурное и политическое слияние Червонной Руси с Россией и развивая ее духовные и материальные силы.

III. Содействие возвращению на родину при первой возможности пребывающих в России беженцев-карпатороссов, интеллектуальный и физический труд которых должен быть приложен к делу восстановления и устройства разрушенной и обезлюженной родины.

IV. Возобновление деятельности местных русских народопробудительных, культурных и экономических обществ и учреждений общерусского направления, объединяющихся в Русской народной организации, во главе с Русским народным советом Прикарпатской Руси, оказание экономическим учреждениям реальной помощи в виде кредитов и, наконец,

V. Развитие русской торговли и промышленности в стране путем привлечения купцов и промышленников из России, в первом ряду – русской национальности, а равно путем выдач промысловых свидетельств на торговые предприятия местным русским организациям и частным лицам.

17 сентября 1916 г.

Председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси
В. Дудыкевич
Член: Г. Малец

Источник: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Особый политический отдел. О. 474. Д. 152. Л. 93-102.

Source: Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund: Special Political Department. List 474. File 152. Pages 93–102.